

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА РОЛЬ МОРАЛИ В ПОЛИТИКЕ

С. Е. Руженцев

Воронежский государственный медицинский университет
имени Н. Н. Бурденко

Поступила в редакцию 14 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются либеральный взгляд на мораль и роль последней в социально-политической сфере. С точки зрения сторонников данного подхода, следование либеральным принципам позволяет приблизиться к идеалу организации общества и решить проблему морали в политической деятельности. Однако минимизация вмешательства власти в жизнь социума привела к отрицанию необходимости общих идеалов для общества, а идея права вытеснила идею блага. Этические понятия обнаруживают в либерализме явный моральный дефицит при их реализации в политическом пространстве. В результате либерализм обнаруживает нетерпимость к инакомыслию, отказ от поиска наилучшего общественного устройства и определения степени справедливости той или иной общественной системы.

Ключевые слова: мораль, моральные нормы, политика, либерализм, общество.

Abstract: the article examines the liberal view of the understanding of morality and its role in the socio-political sphere. From the point of the view of supporters of this idea, adherence to liberal principles allows us to approach to the ideal organization of society and to solve the problem of morality in political activities. However, minimization of governmental interference in the life of society led to the rejection of shared values for society and the idea of rights replaced the idea of the good. Ethical concepts see obvious moral deficiency in liberalism as well as their implementation in the political space. As a result, liberalism means intolerance of dissent, rejection of the search for a better social system and determinings of the degree of fairness of a particular social system.

Key words: morality, moral standard, politics, liberalism, society.

Масштабные события первой половины XX в. обострили актуальность внимания к политике и запрос на этическую точку зрения, а также необходимость приемлемого и адекватного понимания специфики проявления морали в социально-политической сфере. Стало очевидно, что проблема соотношения политики и морали может решаться как по линии «Платон – Маркс» через потребности общества, так и по линии «Аристотель – Парсонс» на основе фундаментальных ценностей общества.

Если до эпохи Просвещения наблюдался очевидный разрыв между политикой и моралью, когда под интересы политики подгонялись нормы нравственности, то XX век показал значимость общечеловеческих ориентиров для политического сознания и практического действия. Но политическое сознание обретает определенное направление благодаря

моральному сознанию, которое на основе понятий добра и зла, справедливости и долга оценивает власть и действия различных политических институтов. Поэтому мораль, по мысли Б. Г. Капустина, является «последним рубежом» обороны человеческого в человеке, не позволяя политике превратиться в чистые технологии манипулирования [1, с. 348].

Либеральные мыслители пытались найти свои ответы на сложившиеся противоречивые условия, что отразилось в разнообразных и неоднозначных изысканиях, которые порой трудно состыковываются между собой. Но весь либеральный дискурс основывается на главных идеологических постулатах – свобода, частная собственность, индивидуализм, в реализации которых должны в той или иной степени помогать государство и закон.

Заметную роль в рассматриваемый период сыграл К. Шмитт, который, откликаясь на конкретные политические ситуации и события, считал политику эзотерической сферой знания, связанной с ответственностью. Ведь образование проблемного поля, вызывая концентрацию духовных сил общества, неизбежно превращает центральную сферу этого проблемного поля в политическую. Возникают ассоциации и диссоциации, ведя к разделению на политические противоположности [2, с. 37]. Поэтому политическое объективно носит фундаментальный характер, ибо заложено в самой человеческой природе. При этом политическое единство не может быть универсальным и охватывающим всё человечество, так как в его основе лежит четкое различие «друга» и «врага». Этот антагонизм не вызван психологическими или этическими несовпадениями, а связан с умышленными злоупотреблениями одной стороны, пытающейся «оккупировать универсальное понятие, чтобы идентифицировать себя с ним за счет противника» [там же, с. 59]. Спекулируя понятиями, происходит обвинение противника в агрессивности, лживости, несправедливости и т.п., что усиливает раскол общества. Но складывающиеся отношения вражды оказываются чуть ли не главным стимулом, обеспечивающим активность и жизнедеятельность общества и государства. Ведь в условиях «всемирной гражданской войны» оказались подорваны принципы, при которых государство, базировавшееся прежде на устойчивых правовых основах (что мы видели у Платона или Гегеля), определяло политику. Теперь же «высшее единство», которым является политическое, скрепляющее общественно-государственную структуру, обеспечивает деятельность политика и реализует «политическое» [3, с. 188].

С помощью понятия «политическое» К. Шмитт пытается объяснить многоликость и многозначность власти, сочетающей в практической деятельности различные и институциональные принципы, и практические подходы, и этические кодексы. Ведь политика не может исчезнуть, а только видоизмениться в определенные технические действия, которые направлены на достижение общественного блага и согласия. При этом складывающаяся однородность, единообразие есть основа политической мощи, тогда как признание всеобщего равенства людей лишает

действенности само государство и его субстанции, за что К. Шмитт критикует и левых, и правых идеологов. Гомогенность и идентичность тем самым вызывают признание массового одобрения без голосования, показывая искусственность парламентаризма с его комитетами, обсуждающих проблемы кулуарно и на основе групповых интересов и решающих общественные вопросы на основе дележа «добычи» между партиями посредством компромисса. Фактически, возникает потребность тотального государства, воплощающего новое определение сущности политического [4, с. 28–29].

По Шмитту, та или иная значимость для политики связана с определением степени вражды. Однако следует помнить и парадокс, вызванный тем, что как только проблема превращается из центральной в периферийную, то она автоматически становится нейтральной и деполитизированной. А в самой дихотомии «друг – враг» изначально укоренено насилие, так как любая группировка в условиях политического единства обладает правом и возможностью решения складывающегося «самого важного случая» [2, с. 53]. То есть политическое воплощается и в реальной возможности насилия и физического убийства и в безусловном повиновении суверену, что отвергает моральное, ибо «политическое», с позиции К. Шмитта, есть нейтральное по отношению к нормам и идеалам, а сама мораль тождественна гуманистической морали, ибо различие «природного зла» и «природного добра» в человеке не имеет этического смысла.

Своеобразную точку зрения по отношению к либеральным ценностям, но защищая их, занимал К. Поппер со своей теорией «открытого общества». Отрицая существование всеобщих объективных законов, свой подход он обозначил как критический плюрализм, который позволяет показать, что открытое общество в отличие от закрытого имеет совсем иное соотношение социального контроля и свободы индивида, создавая наилучшие условия для самореализации индивида, что больше соответствует его интересам. Основой такого общества является конкуренция между людьми. Однако, как справедливо указывает В. К. Петросян, К. Поппер пытается совместить конкурентную борьбу между людьми за обладание тем или иным статусом с требованием ориентации на этику бескорыстия и самопожертвования [5, с. 114–115]. Такую позицию затруднительно приложить к реальной политике, в которой любой детерминизм потенциально несет несвободу, а представление Поппера о том, что личная свобода автоматически является гарантией ответственного поведения человека, представляется крайне сомнительным.

Признавая воздействие социальных институтов на моральные ценности общества, Поппер считал, что отсутствие демократических структур и контроля над ними делает власть потенциально опасной, ведя к неограниченному ее вмешательству в общественную жизнь. И только свобода во взаимосвязи с ответственностью и правовыми механизмами ее ограничения и регулирования может сделать безопасность надежней [6, с. 152]. Оттого только иррациональные основания поведения людей

и любое авторитарное воздействие со стороны власти и личности могут повлиять на характер общественных отношений. Однако следование либеральным принципам (открытость власти, всеобщее избирательное право, равенство перед законом и др.) позволяет приблизиться к идеалу организации общества и решать любые проблемы морали в политической деятельности.

Споря с Платоном и его требованием подчинения индивида интересам коллектива как целого, К. Поппер считал, что в таком случае критерием нравственности становятся интересы государства, которые определяют на основе господствующего группового эгоизма нравственную позицию человека. Поэтому возникает этическое противостояние радикального коллективизма и возможности справедливости, при том что К. Поппер не затрагивает проблему интересов самого государства. Поэтому можно согласиться с оценкой В. К. Петросяна, отметившего, что «жестко критикуя чрезмерную акцентированность доктрины “этического тоталитаризма” (“холистской справедливости”) Платона на государстве и выдвигая в противовес ей свою концепцию “гуманистической справедливости”, К. Поппер допускает ту же ошибку, что и его античный оппонент, требуя односторонних свобод и экзистенциальных преимуществ для индивида в ущерб интересам социума в целом» [5, с. 124–125].

Считая современные открытые общества гораздо честнее и справедливее всех предшествующих, К. Поппер полагал, что демократия посредством закона будет защищать экономические интересы и социальные процессы от разрушительного воздействия государства, а самих граждан от злоупотреблений властью, обеспечивая моральную силу политики. Он понимал опасность отрицательного воздействия богатства на власть, коррупции на закон, а средств массовой информации на общественное мнение. Да и противостоять этому способно лишь государство, опирающееся на граждан [6, с. 150]. Получалось, что определяющими критериями жизнеспособности общества выступали демократия и свобода, которые являлись не только верховной ценностью, но и способом разрешения любых расхождений между политикой и моралью.

Очевидно, что согласование свободы и ответственности не имеет готовых рецептов. Но обсуждение проблемы политического вывело на свет важные стороны реального функционирования морали в современной политике, понимания соотношения между властью и насилием, роли свободы в легитимизации власти, морального авторитета политического актора. Оставляя в стороне слабости и недостатки теоретических подходов К. Поппера, мы неизбежно должны задаться целым рядом важных вопросов, среди которых проблема власти и проявление ее сущности в обществе, оцениваемых с моральных позиций.

Становление политики как профессионального вида деятельности привело в XX в. к тому, что она стала подобна занятию, дающему заработок за выполненную наемную работу. Бюрократическая рационализация функций, наряду с распространившимися идеями демократизации общественной жизни, сопровождалась очевидной десакрализацией всей

политической деятельности. Следствием этого стал, с одной стороны, рост аморализма в политике, а с другой – поиск этических ограничителей возможного и явного насилия в обществе. Важную роль в исследовании природы политического, проблем власти и насилия, особенностей феномена свободы и тоталитаризма сыграла Х. Арендт, которая рассматривала эти вопросы в таких сочинениях, как «Истоки тоталитаризма», «О насилии», «Ответственность и суждение» и др.

По мнению Х. Арендт, власть не может принадлежать индивиду, а является принадлежностью группы, выступая основой «бытия друг-с-другом», сцепляющим политический организм [7, с. 266]. Поэтому политическая деятельность предполагает «способность действовать по-человечески», защиту неотъемлемых прав человека. Сама же власть может эффективно действовать на основе гармоничного сочетания публичной и частной сфер, что требует прозрачности, открытости и гласности. Усиление публичной сферы, имеющее место в тоталитарных обществах, ведет к деформации и ограничению приватной сферы. Исчезает свобода как «начинание нового», поскольку человек подчиняется общей воле и теряет свою индивидуальность. Возникает проблема насилия как принудительного ограничения воли и подавления различных возможностей участников политического процесса отсюда и дефицит морали.

Как отмечает Х. Арендт, «суть всякого правления составляет власть, а отнюдь не насилие. Насилие по самой своей природе есть не более, чем орудие; как всякое средство, оно неизбежно нуждается в наличии некой направляющей цели, служащей к тому же его оправданием» [8, с. 330]. Поскольку любое общество неизбежно и традиционно основано на господстве и подчинении, то насилие есть некий внешний фактор, инструментально узурпирующий место, первоначально отводившееся иным целям. Если левые теоретики считали насилие радикальным проявлением сути власти, а правые полагали, что позади любой власти находится насилие, то Арендт исходит из мнения о господстве власти над насилием. Ведь их сущность противоположна, отчего насилие проявляется там, где ослабевает или исчезает политическая власть. Следует согласиться с В. Селивёрстовым, полагающим, что насилие имеет инструментальный характер и осуществляется по модели целерационального действия, что обеспечивает его этическое оправдание. В противном же случае абсолютизация средств насилия способна уничтожить всякую власть и мораль [9, с. 60].

Однако государственную власть нельзя сводить к насилию, поскольку последнее ведет всех участников политического процесса к взаимному отчуждению, подрывая общественные устои, интеграцию людей и даже легитимность власти. Это необходимо учитывать в связи с тем, что существуют два подхода к проблеме насилия – институциональный и этический. Если институциональный подход рассматривает государство в качестве института, противостоящего обществу и использующего силовое принуждение как особый вид деятельности по социальному управлению, то этический подход считает, что направленность против блага

людей и справедливости сопряжена с любым вредом для общества, отчего любое насилие превращается в негативное воздействие, достойное морального осуждения [10, с. 215–219].

Как представляется, применение или отказ от насилия требует мотивов, убежденности, соответствующих механизмов и социальных условий. Интересный подход по данной проблеме предложила Х. Арендт. Она использовала идею радикального и банального зла, поскольку у человека при осуществлении тех или иных действий есть внутренние защитные механизмы, роль которых выполняют его способность разумно мыслить и его совесть. Преобладающими источниками радикального зла становятся тоталитарное государство и само общество, которые, в свою очередь, порождают возможность любому человеку стать обезличенным исполнителем и проводником банального зла. При этом Х. Арендт не снимает моральной ответственности с тех, кто является источником радикального зла, как и с тех, кто ему способствует. Возникает прямая и опосредованная связь радикального зла с существующей системой власти, отбрасывающей моральные ограничения для любых политических действий. Тогда как банальное зло уже соотносится с внутренним нравственным выбором конкретного индивида, находящегося в рамках действующей системы власти, являясь следствием политики и порождаемого ею радикального зла и любого насилия. При этом банальное зло по своей сути подобно ржавчине, разъедающей повседневную жизнь и мораль.

Решение проблемы связи между политикой и моралью Х. Арендт предлагает парадоксальным образом созвучным с либеральным взглядом. Мораль нельзя сводить к выполнению существующих определенных общепринятых законов и правил, так как от них легко отказаться и заменить иными. Поэтому следует изучать не моральные законы, а то, что позволяет любому человеку различать правильный поступок от неправильного на основе выработки внутреннего морального ориентира – способности суждения о происходящем, которое опирается на свободную волю. Тогда всякое политическое действие будет мотивировано моральными побуждениями, а не чувством страха, тщеславия, выгоды.

Поскольку власть можно рассматривать как возможность притязаний одних индивидов осуществлять свою волю по отношению к другим и как средство социальной интеграции и кооперации, неизбежно возникает понимание ее, согласно М. Веберу, как «власть для» и «власть над». Использование в политике других людей в качестве средства реализации своей воли связано с определением поведения субъектов и объектов, определения их субординации, распределением прав и привилегий. Как справедливо указывает Л. Ю. Пионткевич, «релятивистская модель “власть над кем-то” рассматривается исследователями как “конфликтная” модель, так как власть в ней трактуется как асимметричное отношение, преимущественно конфликтного характера, где один из субъектов обладает способностью воздействовать на другого, невзирая на нежелание последнего повиноваться» [11, с. 42].

Упорядочивая общественные процессы, власть реализует ту или иную политическую линию в зависимости от расстановки и взаимодействия различных сил. Но такой конфликтологический подход к природе власти, разделявшийся Г. Гегелем, М. Вебером, Р. Дарендорфом, Н. Луманом, П. Рикером и другими вызывает явную настороженность у либерально настроенной части мыслителей. Ведь демократия предполагает, что никакой субъект не обладает всей полнотой власти и не может на нее претендовать, а значит, требуется публичная политика, предполагающая широкую коммуникацию, консолидацию и консенсус с соблюдением свободы и плюрализма. Такая минимизация вмешательства государства и власти в повседневную жизнь социума привела, на наш взгляд, к фактическому отрицанию необходимости определения общих идеалов для общества, а идея права вытеснила идею общего блага. В результате получил широкое распространение либеральный взгляд на трактовку политики и роли морали, вызывающий критическое восприятие сторонников коммунитаристского подхода [12, с. 14–20].

Либерализм, с точки зрения одного из главных его идеологов Р. Дворкина, должен исходить из поиска равновесия между идеалами равенства и свободы. Р. Дворкин отмечал: «К сожалению, свобода и равенство часто противоречат друг другу: иногда обеспечить равенство можно только ценой ограничения свободы, а последствия свободы порой оказываются пагубными для равенства» [13, с. 55]. При этом современный либерализм признает определенную ответственность государства и власти за соблюдение всеми членами общества законов и правил, необходимость принятия неких социальных мер по обеспечению достойных условий жизни всех граждан (допуская определяющее влияние экономики на политику). Хотя, с его точки зрения, именно рынок определяет затраты, необходимые для удовлетворения предпочтений человека, а демократия посредством права распределяет возможности между людьми и устанавливает моральные правила.

Конечно, либерализм первым в истории человеческой мысли поставил вопрос о справедливости в обществе и ее реализации. Однако нищие, радикалы, иммигранты и другие слои, фактически, исключались из программы подлинной интеграции в общественную систему. Стремление защитить отдельного индивида с его особыми потребностями вызывает затруднения в определении устойчивых социальных и моральных ценностей в той или иной сфере деятельности, с точки зрения либерализма. Поэтому члены общества должны придерживаться «разумного» представления о добродетельных качествах и склонностях, необходимым для воспитания их в себе и должном их проявлении на практике. А затем демократия (посредством гражданского и уголовного права) будет обеспечивать саму «возможность» для добродетельной деятельности. Как отмечает Р. Дворкин, «мудрое правление связано... с поощрением или, по крайней мере, одобрением достойного образа жизни: относиться ко всем как к равным – значит относиться к каждому так, как если бы он

стремился, насколько это возможно, вести достойный образ жизни» [там же, с. 60]. Однако такой подход сводит мораль в сфере политики лишь к обеспечению консенсуса в обществе.

Очевидно, что к концу XX в. обозначился кризис либерализма. Считая себя единственно верной системой ценностей, либерализм обнаружил в современных условиях нетерпимость к инакомыслию. От человека, по сути, не требуется признавать правильность или справедливость решения государства, обязательно его выполнение. Оттого либерализм рассматривает государство как функциональный механизм, обеспечивающий согласование и регулирование интересов. А ведь сам по себе плюрализм не может сплотить общество [14, с. 71, 73]. Да и кризис современных обществ показал, что люди одни возможности теряют и других не приобретают, а принцип роста возможностей совершенно не реализует равенства возможностей, даже прикрываемого рассуждениями о правах человека. Сами понятия «общественное благо», «справедливость», «равенство», «счастье» и другие обнаруживают в либерализме явный моральный дефицит при реализации их в политическом пространстве. Так, у И. Берлина мораль есть незавершенная вещь в себе, имеющая лакуны, и человек осуществляет свой выбор из набора нравственных ценностей, но таким образом, чтобы действия его были свободны и не подвергались вмешательству со стороны других людей, обеспечивали максимальную самореализацию личности в моральном и институциональном плане, ибо существующие политические институты уклоняются от задачи содействия в реализации свободы [15, с. 24, 38]. И вот из этой растворенности морали и неопределенных моральных норм выводятся индивидуальные права человека и основа существования современного государства и общества.

Как видим, в XX в. основной проблемой при рассмотрении политики и морали явилось стремление уйти от жесткого утилитарного подхода, когда не принимаются во внимание способы распределения благ в обществе, различия между индивидами и природа удовлетворения их желаний. Вместо поиска и обоснования наилучшего общественного устройства и определения степени справедливости той или иной общественной системы, возникло разное понимание демократии и особенностей ее реализации. Во многом проблема этического в политической деятельности снималась через замену морали рациональным поведением индивида, что обосновывалось посредством отказа от зла, меритократии, индивидуальных свобод, коммуникативного действия, консенсуса, мультикультурализма и прочего, что обеспечивало упорядочение политических отношений в обществе и защиту либеральных идеалов и ценностей.

Литература

1. Капустин Б. Г. Критика политической философии / Б. Г. Капустин. – М. : Территория будущего, 2010. – 424 с.
2. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37–67.

3. *Рахшмир П. Ю.* Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века / П. Ю. Рахшмир. – 2-е изд., перераб. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 272 с.
4. *Дмитриев Т. А.* Спор об основах политического : Лео Штраус versus Карл Шмит / Т. А. Дмитриев // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11, № 3. – С. 26–40.
5. *Петросян В. К.* Карл Поппер о политической этике / В. К. Петросян // Человек. – 2010. – № 1. – С. 114–125.
6. *Поппер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. / К. Поппер. – М. : Феникс : Культурная инициатива, 1992. – Т. 2. – 525 с.
7. *Арендт Х.* Vita active, или О деятельной жизни / Х. Арендт. – СПб. : Алетейя, 2000. – 430 с.
8. *Арендт Х.* О насилии / Х. Арендт // Мораль в политике. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – С. 312–378.
9. *Селиверстов В. В.* Уроки правильного понимания насилия по Хане Арендт / В. В. Селиверстов // Культиватор. – 2009. – № 1. – С. 53–62.
10. *Пыхтеева Е. В.* Насилие и ненасилие : политико-философский анализ / Е. В. Пыхтеева // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2012. – № 1 (120), т. 21. – С. 215–219.
11. *Пионткевич Л. Ю.* Феномен власти : проблема концептуализации / Л. Ю. Пионткевич // Вестник Томского гос. ун-та. – 2008. – № 308. – С. 41–47.
12. *Руженцев С. Е.* Коммунитаристский подход к этическим ценностям в западной политической этике / С. Е. Руженцев // Научные дискуссии о ценностях современного общества. – Липецк : РаДуши, 2015. – С. 14–20.
13. *Дворкин Р.* Либерализм / Р. Дворкин // Современный либерализм. – М. : Прогресс-Традиция, 1998. – С. 44–75.
14. *Рормозер Г.* Кризис либерализма : пер. с нем. / Г. Рормозер. – М. : ИФРАН, 1996. – 292 с.
15. *Берлин И.* Две концепции свободы / И. Берлин // Современный либерализм. – М. : Прогресс-традиция, 1998. – С. 19–43.

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Руженцев С. Е., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки
E-mail: rsevrn@gmail.com
Тел.: 8(473) 252-47-38

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko

Ruzhentsev S. E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Philosophy and Humanities Department
E-mail: rsevrn@gmail.com
Tel.: 8(473) 252-47-38